

немногих» (IV, 9, 12, 1296a, 36—38). Такое указание, строго говоря, включает в себе противоречие. Последнее будет устранено только в том случае, если мы привлечем к толкованию упомянутого места «Политики» учение Аристотеля о множественности видов каждого из шести государственных строев, выделенных в «Политике» (V, 1, 5, 1301b, 13—16; V, 1, 1, 1316b, 36—37). В чистом виде, хочет сказать Аристотель, полития никогда не существовала, но другие ее разновидности изредка в истории наблюдались.

2. Полития, по учению Аристотеля, отличается по самой своей сущности (как «средний» строй) особой устойчивостью (IV, 9, 9, 1296a, 7). Но сам же Аристотель в пассаже, разобранном выше, говорит о недолговечности изредка устанавливавшихся политий. Исторические примеры, приведенные в «Политике», говорят о том же (IV, 10, 10, 1297b, 14—16; V, 2, 8, 1303a, 2—5; V, 3, 6, 1304a, 27—29; V, 6, 5—6, 1307a, 20—34). Получается парадокс: полития, наиболее устойчивый по своей природе строй, нигде и никогда этого своего свойства не обнаруживала. Эта апория разрешается с помощью двух соображений: а) существовавшие до сих пор политии представляли собой не тот идеальный вид политий, какие обладают всей совокупностью доступных этому строю достоинств; б) Аристотель придает большое значение влиянию государств-гегемонов на внутренний строй других государств; в прошлом гегемоны не были заинтересованы в установлении «среднего» строя, и только один муж (Александр Македонский), в противоположность прежним, дал себя убедить ввести такой строй (IV, 9, 12, 1296a, 38—40).

Д. П. Каллистов в своем докладе рассмотрел свидетельство Страбона о скифском царе Атее (VII, 3, 18). Ни один из других античных авторов ни словом не упоминает о власти этого царя над коренным населением Северного Причерноморья. Археологический и нумизматический материал, по мнению докладчика, бессилен подтвердить или, наоборот, опровергнуть Страбона и, следовательно, это его свидетельство является единственным возможным основанием для вывода о возникновении в IV в. до н. э. большого скифского северочерноморского государства. Не может, однако, не броситься в глаза, что Страбон пишет об Атее в тоне большой неуверенности: «δοξάζει» — «как кажется». Докладчик считает, что относительная бедность языка Страбона и компилятивный характер его труда позволяют уловить известного рода закономерности в его словоупотреблении. В первых восьми книгах труда Страбона такие же или сходные выражения неуверенности встречаются, включая и свидетельство об Атее, 19 раз. Разбор всех этих случаев показывает, что Страбон надежными сведениями об Атее не располагал и вообще был довольно плохо осведомлен о Северном Причерноморье. Следовательно, нельзя признать надежным и заслуживающим доверия и его свидетельство о власти Атея над северочерноморскими племенами. Во всяком случае, оно не может служить единственным устоем для широкой концепции, согласно которой в IV в. до н. э. возникает огромное скифское государство, распространившее свою власть на Западное и Северное Черноморье. Конечный вывод докладчика сводится к тому, что эта концепция вообще не имеет под собой никакой почвы.

ОТЧЕТ О ЗАСЕДАНИИ В ЛОИА АН СССР, ПОСВЯЩЕННОМ ПАМЯТИ АКАД. С. А. ЖЕБЕЛЕВА

6 марта 1968 г. в Ленинграде состоялось торжественное заседание Ученого совета Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, посвященное памяти акад. С. А. Жебелева. На заседании присутствовало 60 человек, они представляли научные коллективы археологов, историков, искусствоведов и филологов Ленинграда и Москвы, работающих в области античной истории и культуры.

Заседание открыл заведующий ЛОИА АН СССР доктор исторических наук, профессор М. К. Каргер. В развернутом вступительном слове М. К. Каргер дал основные

сведения из биографии акад. С. А. Жебелева, отметив большую научную, организационную и педагогическую работу, которую С. А. Жебелев вел на протяжении полувека. М. К. Каргер говорил о многогранности С. А. Жебелева как ученого, соединявшего в своем лице историка, археолога, эпиграфиста и филолога-классика, широко использовавшего в своем творчестве данные этих наук.

Поскольку жизнь и творчество акад. С. А. Жебелева неоднократно освещалась в различных научных изданиях¹, М. К. Каргер коснулся лишь некоторых моментов его творчества, тесно связанных с тематикой того учреждения, которому С. А. Жебелев отдал больше всего времени и сил — с Государственной Академией истории материальной культуры (ныне Институт археологии АН СССР). В организации этого учреждения, созданного по указанию В. И. Ленина в 1919 г., С. А. Жебелев принимал активное участие и был бессменным заместителем председателя Академии, а затем заведующим Сектором древнего Причерноморья ИИМК АН СССР, возглавляя коллектив ленинградских археологов-античников. Вопросы античной археологии занимали в творчестве С. А. Жебелева весьма значительное место. Он был одним из первых историков, приступивших к систематическому и всестороннему исследованию исторической жизни Северного Причерноморья в античную эпоху и поднявших это исследование на значительную высоту. Перу С. А. Жебелева принадлежат работы по широким проблемам античной колонизации, по социально-экономической и политической истории античных государств Северного Причерноморья.

После М. К. Каргера с воспоминаниями о С. А. Жебелеве выступила доктор исторических наук М. И. Максимова, близко знавшая покойного. Она обрисовала жизненный путь С. А. Жебелева начиная с его ранней молодости, когда Сергею Александровичу пришлось одновременно заниматься своим образованием и служить материальной опорой для своих родных. Вследствие этих нелегких жизненных условий, сказала М. И. Максимова, сложились основные черты характера С. А. Жебелева, такие, как самодисциплина, строгое регламентирование своего времени. Возможно, именно благодаря этим качествам ему удалось развить такую интенсивную и разностороннюю деятельность, которая редко выпадает на долю одного человека.

Служение С. А. Жебелева науке было полно беззаветной преданности и бескорыстия. Он не терпел никаких случайных, а тем более сознательных профанаций науки и в этих случаях был беспощаден и не признавал никаких компромиссов. Не менее строг был Сергей Александрович и к своей научной продукции, раз осознав свою ошибку, всегда открыто в ней признавался, считая это своим прямым долгом.

Помимо занятий научно-исследовательской деятельностью, большой педагогической работы и исполнения различных административных должностей, С. А. Жебелев вел гигантскую редакторскую работу — через его руки прошли целые серии статей и монографий преимущественно молодых ученых. М. И. Максимова особо подчеркнула плодотворную деятельность С. А. Жебелева как научного руководителя Сектора древнего Причерноморья ИИМК АН СССР, не только в научно-исследовательской, но и в полевой археологической работе. В частности, Сергей Александрович всегда отстаивал идею систематических раскопок так называемых малых городов Боспора, раскопок, позволивших впервые составить представление об экономической ос-

¹ И. И. Толстой, Речь на юбилее С. А. Жебелева, «Гермес», 1916; он же, Вступительная статья к «Списку печатных трудов Сергея Александровича Жебелева», Л., 1926; он же, Академик Сергей Александрович Жебелев в развитии русской историографии по античности, ВДИ, 1940, № 1, стр. 162; Д. П. Каллистов, Роль историографии по античности, ВДИ, 1940, № 1, стр. 168; Б. Д. Греков, Значение работы академика Сергея Александровича Жебелева в исследовании Северного Причерноморья античного времени, ВДИ, 1940, № 1, стр. 173; В. Ф. Гайдукевич, Академик Сергей С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны, ВДИ, 1940, № 1, стр. 173; В. Ф. Гайдукевич, Академик Сергей Александрович Жебелев как исследователь Северного Причерноморья, СА, VII, 1941, стр. 7 сл.; Е. Г. Кастанян, список печатных трудов академика Сергея Александровича Жебелева (дополнение к списку трудов, изданному в 1926 г.), СА, VII, 1941, стр. 13 сл.

нове жизни этих городов и тем самым значительно продвинуть вперед изучение основ экономики Боспорского государства.

М. И. Максимова обрисовала облик С. А. Жебелева как человека крайне скромного, несмотря на занимаемые им высокие посты, и вместе с тем очень отзывчивого и чуткого в отношении своих коллег, которым он с готовностью оказывал необходимую помощь и поддержку.

В конце выступления М. И. Максимова рассказала о последних днях жизни С. А. Жебелева, когда он в условиях блокады ежедневно посещал академические институты, где заведовал коллективами античников (ИИМК, ИА), и заботился, как мог, о своих товарищах, а ночью дежурил на крыше своего дома. В один из дней он упал от истощения на улице и больше не смог подняться. Последними словами, какие услышала М. И. Максимова от С. А. Жебелева за два-три дня до его смерти, были: «Нет, в Ленинград мы Гитлера не пустим».

Далее на заседании были заслушаны доклады Д. Б. Шелова «Об этническом составе населения Танаиса», А. И. Болтуновой «Строительные надписи Танаиса», П. Н. Шульца «Скифские изваяния крымских степей» и И. Б. Брагинского «Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья».

Д. Б. Шелов в своем докладе подтвердил новыми материалами вывод С. А. Жебелева² о значительной роли варварских элементов в Танаисе. Произведенный Д. Б. Шеловым подсчет лиц, упоминаемых в надписях Танаиса II — первой половины III в. н. э. с именами и патронимиками, обнаружил, что из известных 378 лиц 40% (151) имеют полностью греческие, римские или греко-римские имена, 20% (78) — полностью варварские имена, 40% (149) — смешанные имена (греческое имя, варварское отчество или наоборот). Д. Б. Шелов произвел также подсчет имен и патронимиков лиц, упоминающихся в надписях, и получил 938 имен танаитов. Из них 518 имен греческого происхождения, 37 — римского и 383 — варварского происхождения. Из этих варварских имен 303 — иранского происхождения, 35 — малоазийского, 10 — фракийского, 7 — семитского и 28 — неясного происхождения. Получив данные о том, что подавляющее большинство имен танаитов имеет греческое или иранское происхождение, Д. Б. Шелов на основании рассмотрения им имен танаитов, фигурирующих в надписях II — первой половины III в. н. э., заключает, что в течение указанного времени наблюдается неуклонное увеличение процента иранских имен и снижение процента имен греческих. Делая оговорку, что происхождение того или иного имени не может определять этническую принадлежность его конкретного носителя, Д. Б. Шелов строит свои выводы об этнических компонентах населения Танаиса лишь на данных общего состава имен танаитов в целом. Подчеркивая прогрессирующую сарматизацию танаисских граждан, Д. Б. Шелов приходит к выводу, что во второй половине II в. н. э. в состав населения Танаиса вошла большая группа ираноязычного населения.

Доклад А. И. Болтуновой был посвящен некоторым вопросам истории Танаиса, внести ясность в которые дали возможность планомерные раскопки городища возле современного хутора Недвиговки, ведущиеся ежегодно уже более десятилетия. Эти раскопки позволили выявить следующие моменты истории Танаиса. Город был основан боспорскими греками возле Недвиговки в первой четверти III в. до н. э. и в период III—I вв. состоял из двух поселений: общины «эллинов» — боспорских поселенцев и общины «танаитов» — аборигенов. Каждая община имела своих архонтов. На рубеже нашей эры при подавлении восстания против власти боспорского царя Полемона Танаис был сильно разрушен. Полностью снесены были крепостные стены, в значительной степени разрушены жилые дома. Однако очень скоро жизнь в городе возобновилась, но лишь на территории греческого поселения — поселение «танаитов» было заброшено. Вместе с тем продолжало сохраняться номинальное деление населения Танаиса на «эллинов» и «танаитов», причем каждая из этих общин имела своих маги-

² С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 202 сл.

стратов. Из надписи, найденной в 1965 г., стало известно о существовании в Танаисе чисто греческой магистратуры простатов.

После разрушения города Полемоном Танаис со времен Аспурга прочно вошел в систему Боспорского государства, которое в целях обеспечения покорности города запретило восстановление его оборонительных сооружений. Однако Танаис пользовался более свободным статусом, чем другие боспорские города, находившиеся под властью царских наместников. Связь Танаиса с центральным правительством Боспора осуществлялась через «посла царя», первоначально назначавшегося из боспорской придворной среды, а с начала III в. н. э. из местной танаисской знати.

На рубеже I—III вв. н. э. в связи с возросшей активностью племен, угрожавших Боспорскому государству с северо-востока, Савромат I отменил запрещение восстанавливать оборонительные сооружения Танаиса. Начинается возведение новых и ремонт старых укреплений города.

В I—III вв. н. э. Танаис достиг процветания. Кроме военно-стратегического, он имел и большое экономическое значение для Боспорского государства, являясь одним из крупных торговых центров Боспора.

И. Б. Брашинский в своем докладе высказался против «условно-географического», как он выразился, районирования античного Причерноморья на Северное, Западное, Восточное и Южное, выдвинув принцип выделения иных культурно-исторических и экономико-географических районов античного Причерноморья на основе древней обстановки в этой области. Одним из главных критериев при районировании античного Причерноморья И. Б. Брашинский считает варварское окружение античных городов. Критерием могут служить и экономические связи; выяснение сходства и различий их в разных центрах. И. Б. Брашинский предлагает деление Причерноморья в V—I вв. до н. э. на следующие экономико-географические районы: 1) Юго-Западное Причерноморье с городами Месембрией, Аполлонией, Одессом; 2) Северо-Западное Причерноморье, включающее Каллатию, Томы, Истрию, Тиру, Никоний, Ольвию и их округу; 3) Таврический район с центром в Херсонесе; 4) Северо-Восточное Причерноморье: Боспорское государство, Приазовье, Прикубанье и северокавказское побережье Черного моря до Гагринского хребта; 5) Колхидский или Закавказский район с Диоскуридой и Фасисом вплоть до Трапезунда; 6) Юго-Восточное Причерноморье с главными центрами Синопой и Амисом; 7) западная часть южного побережья Понта с центром в Геракле Понтийской; 8) район черноморских проливов. Все эти районы, при их локальных различиях, были тесно связаны друг с другом.

П. Н. Шульц посвятил свой доклад подтверждению на археологическом материале текста Геродота, приведенного С. А. Жебелевым в его работе «Геродот и скифские божества»³. Геродот пишет: «Делать статуи, жертвенники, храмы у скифов не принято — за исключением Арея; ему делать их принято» (Her. IV, 59). П. Н. Шульц подчеркнул, что статуй скифских божеств не найдено, известны лишь изваяния, служившие надгробиями, которых к настоящему времени обнаружено 35. Из них 5 найдено в крымских степях. Наиболее раннее из крымских изваяний (VI—V вв. до н. э.) — фаллическое — открыто у дер. Надежда. Аналогии этому типу дают изваяния, найденные в Приднепровье и в Добрудже. В этих изваяниях П. Н. Шульц видит образ героя-родоначальника, навеянный скифскими генеалогическими легендами, закреплявший родовые связи и племенную общность скифов.

Изваяния, найденные близ Черноморска и в районе Сиваша (V—IV вв. до н. э.), дают иной образ — героизированного военачальника, с ритонном, прижатом к груди, как и на названных выше изображениях. Этот тип имеет общее с группой прикубанских изваяний. В отличие от более ранних, эти изваяния отличаются стройными пропорциями. В них отразилось представление о красоте мужского образа в период расцвета скифской культуры. Они утверждают отношения господства и подчинения — парадная одежда, богато украшенный ритон, мотивы звериного стиля, фиала

³ Жебелев, Северное Причерноморье, стр. 29—37.

на горите, меч и плеть, фигурирующие на этих изваяниях, признаны прославлять силу и власть басилевса.

К позднескифской поре (IV—III вв. до н.э.) относятся два изваяния, найденные на западном и северо-западном побережье Крыма, у городища Чайка и у Прекрасной Гавани. В этих изваяниях уже сказывается греческое влияние.

П. Н. Шульц связывает скифские изваяния Крыма с курганами скифской кочевой знати и высказывает предположение, что находки этих изваяний без голов, со старыми обломами могут быть объяснены суеверным страхом иноплеменников. Как памятники надгробные, связанные с культом предков и почитанием умерших вождей, эти изваяния, по мысли П. Н. Шульца, не были статуями божеств. Тем самым подтверждается свидетельство Геродота о том, что у скифов не было принято делать статуй богов.

«АВТОНЕКРОЛОГ» СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЖЕБЕЛЕВА

В составе рукописного наследства Сергея Александровича Жебелева, хранящегося в Архиве Академии наук СССР, находится одна рукопись (Архив АН СССР, БАН, дело № 729, порядк. № 47) с не совсем обычным заглавием — «Автонекролог». В верхнем правом углу дата — 21 сентября 1932 г. Сергей Александрович, таким образом, написал свой собственный некролог за два дня до юбилейной даты: 23 сентября того же года ему исполнилось 65 лет и 50 лет с начала его трудовой деятельности, которую он сам исчислял, как сказано в этом документе, «с того времени, когда..., будучи гимназистом V класса, начал давать частные уроки».

Заглавие рукописи не должно вводить в заблуждение: оно вовсе не означает, что автор этого некролога проникся намерением попрощаться с жизнью и всей своей прошлой деятельностью. Все, кому довелось лично знать Сергея Александровича и с ним общаться, хорошо знают, что такого рода сентиментальные устремления были совсем не в его характере. Цель тут была иная. Она раскрывается автором на первой же странице «некролога». Именуя себя, как и всюду в этой рукописи дальше, в третьем лице, Сергей Александрович следующим образом определяет собственное отношение ко всей своей предшествующей деятельности: «автор не собирается прекращать ее (т. е. деятельность.— Д. К.), поскольку не считает еще себя инвалидом труда». Тут, может быть, не лишним будет напомнить, что в 1932 г. и в последующие годы Сергей Александрович был в самом расцвете своих творческих сил. Именно тогда, опираясь на накопленный в течение всей своей предшествующей ученой деятельности огромный исследовательский опыт, прокладывал он новые пути в изучении Северного Причерноморья античной эпохи, по которым в сущности и по сей день следуют все занимающиеся этой тематикой.

Отдавая себе полный отчет в своих творческих возможностях и, несомненно, располагая и совершенно конкретными замыслами, Сергей Александрович, однако, был «убежден, что в направлении его деятельности в дальнейшем существенных перемен не произойдет, что будущее будет продолжением прошлого». Поэтому и приступил он к «составлению давно задуманного «автонекролога», который, по мысли автора, должен подвести итог всей его деятельности». Юбилейная дата в данном случае, как сам он пишет, явилась лишь «поводом» к осуществлению этого давнего его намерения, ибо Сергей Александрович считал, что «он не только вправе, но и обязан отчитаться в своем прошлом; отчитаться, прежде всего, перед самим собою, а затем и перед общественной средой, в которой протекала его деятельность». Таким образом, по замыслу Сергея Александровича его отчет не должен был представлять собою чего-то сугубо личного или интимного. Отсюда следует, что частичное или даже полное обнародование этой рукописи ни с какой стороны не является предосудительным по отношению к ее автору.

Что касается формы отчета, то и сам Сергей Александрович признавал ее «несколько необычной» и счел нужным в оправдание этой формы выдвинуть следующие доводы: «...Если разрешается составлять автобиографии, писать даже авторецензии на свои книги, то что могло служить препятствием составить свой автонекролог? Ведь пишет же человек в предвидении своей смерти духовное завещание, т. е. делает распоряжение насчет своего будущего».

В том, что Сергей Александрович избрал именно эту, а не какую-либо иную форму для своего отчета, безусловно, сыграло роль и то обстоятельство, что для него она была привычной. Некрологи занимают видное место в списке его ученых трудов. Отдавая дань должного ушедшим из жизни ученым—своим современникам, он пишет их некрологи начиная с 1900 г. Перед глазами проходят чередой один за другим виднейшие представители науки того времени, многие из которых оставили после себя заметный след в нашей отечественной историографии: А. Н. Щукарев, Д. Ф. Беляев, В. К. Ериштедт, И. В. Помяловский—учитель Сергея Александровича, памяти которого он посвятил в 1941 г. уже во время блокады Ленинграда последний в своей жизни доклад, Ф. Ф. Соколов, В. К. Редин, И. В. Цветаев, А. В. Прахов, П. В. Никитин, В. В. Латышев, Я. И. Смирнов, Б. В. Фармаковский, И. В. Нетушил, Ф. И. Успенский, Б. П. Бузескул и многие другие. В сочетании с многочисленными рецензиями и библиографическими заметками Сергея Александровича некрологи всех этих деятелей нашей науки представляют собой поистине неоценимый и, к сожалению, почти еще не использованный источник для истории русской классической филологии, истории и археологии, потому что в каждом из посвященных памяти этих ученых некрологов автор их использовал не только свои превосходные знания предмета и эрудицию, но и материал, почерпнутый из личного и часто многолетнего тесного общения с теми, кого ему потом пришлось провожать в последний путь.

Собственный «некролог» Сергея Александровича, однако, отличается от всех предшествующих одной своей особенностью: в нем по понятным причинам отсутствуют какие бы то ни было оценки ученой деятельности и творчества С. А. Жебелева — «отчет в форме автонекролога носит исключительно формально-фактический характер и говорит исключительно о деятельности автора и о тех принципах, на каких она протекала». Желаяющие уяснить себе и качественную сторону этой деятельности, отсылаются, так сказать, к литературе вопроса: отзывам В. П. Бузескула, Н. Б. Беляева, И. И. Толстого. Равным образом автор «некролога» «не касается подробностей, носящих индивидуальный характер, поскольку они могли бы представлять интерес лишь для узкого круга лиц, более или менее хорошо знающих автора. Для них автор напишет, если позволит время и будет настроение, несколько „приложений” к автонекрологу». Эти «приложения», к сожалению, так и не были написаны.

Только после всех этих оговорок, касающихся и формы и содержания «некролога», автор приступает к основному изложению. Оно строго систематизировано. Именно так писал Сергей Александрович все свои научные работы. Хотя в тексте и нет особых подзаголовков, но они ясно чувствуются в содержании отдельных абзацев; они следуют друг за другом в определенной, продуманной автором последовательности и каждый из них вполне закончен в логическом отношении.

Начинается изложение с одного общего вопроса, который может быть сформулирован так: кем собственно является автор этого произведения, облеченного в форму собственного некролога? В трактовке «некролога» вопрос этот оказывается не таким уж ясным и простым. «Главным своим призванием,— читаем мы в рукописи,— считал свою ученую деятельность. Подготовку к ней он получил исключительно на историко-филологическом факультете СПб. университета, куда он поступил в 1886 г., по окончании курса 2-й классической гимназии... По окончании университетского курса Жебелев был оставлен при университете по кафедре классической филологии, причем стипендией, как в бытность свою студентом, так и в бытность свою оставленным, не пользовался. Равным образом не мог Жебелев воспользоваться и заграничной командировкою, так как почти сразу же по окончании университета поступил на службу для добывания средств жизни для себя и для семьи, состоявшей из матери и млад-